

А. Ю. Серегина

ORCID: 0000-0002-9630-5903

✉ aseregina@mail.ru

Институт всеобщей истории РАН (Россия, Москва)

ВОЙНА, ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЕ И ПРИДВОРНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ: ЛЕТНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЕЛИЗАВЕТЫ I В 1591 г.

Аннотация. В статье исследуется единственное летнее путешествие Елизаветы I Английской в южные графства Англии (1591 г.), предпринятое во время войны с Испанией. Показано, что основной целью поездки было достичь компромисса с католиками юга Англии, которые несли основные расходы на оборону побережья и были недовольны усиливавшимися преследованиями за веру. В ходе устроенного для королевы праздника в замке Каудрей его владелец, католик виконт Монтегю, успешно представил себя как верного подданного правительницы и одновременно лидера местного сообщества. Успех приема в Каудрее укрепил его политические позиции в графстве Сассекс. Другое представление, данное в честь Елизаветы, — празднество в Элвэтэме, организованное Эдвардом Сеймуром, графом Хартфордом, не имело успеха, потому что граф адресовал свою попытку не просто добиться признания своего сына законным, но представить его как наследника английской короны, не самой Елизавете, но ее придворным и советникам, которые могли бы поддержать его. Обращение к политической элите стране и игнорирование пожеланий и предпочтений королевы поставило под угрозу политическую карьеру графа Хартфорда и его сыновей в 1590-е годы.

Ключевые слова: итинерарии двора, летнее путешествие, придворная культура, Реформация, английские католики, Елизавета I, веротерпимость, религиозные преследования, престолонаследие, Англия раннего Нового времени

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 21-18-00181 «Итинерарии власти. Передвижения правителей России и Западной Европы в политической культуре XVI — начала XVII в.».

Для цитирования: Серегина А. Ю. Война, престолонаследие и придворные развлечения: летнее путешествие Елизаветы I в 1591 г. // Шаги/Steps. Т. 8. № 1. 2022. С. 200–219. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-1-200-219>.

Статья поступила в редакцию 23 июня 2021 г.

Принято к печати 6 июля 2021 г.

A. Yu. Seregina

ORCID: 0000-0002-9630-5903

✉ aseregina@mail.ru

*Institute of World History,
Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)*

WAR, SUCCESSION, AND COURTLY ENTERTAINMENTS: ELIZABETH I'S SUMMER PROGRESS OF 1591

Abstract. The article presents a study of Elizabeth's summer progress in 1591 — the only one that brought the Queen to the South of England during the years of the Anglo-Spanish war (1585–1604). It shows that the main political aim of the progress was to reach a working compromise with the Catholics of the Southern counties, since they bore the financial burden of the coastal defense and were growing discontented over the intensifying religious persecution. In the course of entertainment given to Elizabeth I at Cowdray Castle, its Catholic owner, Viscount Montague, successfully presented himself as a loyal subject of the monarch and as a leader of the local community. The success of the Cowdray entertainment strengthened his political position in the county of Sussex. Another entertainment given to the Queen — the one at Elvetham, the manor of Edward Seymour, Earl of Hertford, failed to please her because the Earl addressed his bid not only to legitimize his son but also to get him acknowledged, however indirectly, as heir to the Crown of England, not to Elizabeth but rather to her councilors and courtiers who could have offered their support. Addressing the national political elite and ignoring the Queen's wishes endangered the political career of the Earl of Hertford and his sons during the 1590s.

Keywords: court itineraries, summer progress, court culture, Reformation, English Catholics, Elizabeth I, toleration, religious persecution, succession, early modern England

Acknowledgements. The study has been funded by the Russian Scientific Foundation, project no. 21-18-00181 "Itineraries of power. Travels of the rulers of Russia and Western Europe in the political culture of the 16th — early 17th centuries"

To cite this article: Seregina, A. Yu. (2022). War, succession, and courtly entertainments: Elizabeth I's summer progress of 1591. *Shagi / Steps*, 8(1), 200–219. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-1-200-219>.

Received June 23 2021

Accepted July 6, 2021

Дворы европейских монархов раннего Нового времени находились в постоянном движении. Регулярные поездки по стране восходили к практике путешествий средневековых королей и королев, передвигавшихся от одной укрепленной резиденции к другой и полагавшихся на гостеприимство своих подданных, которым они самым наглядным образом являли собственную власть. К XVI столетию путешествия дворов правителей превратились в тщательно спланированные церемонии, и мало кто из европейских монархов умел устраивать их чаще и лучше, нежели королева Елизавета I Английская: за 44 года ее правления ее двор отправлялся в путешествие 23 раза [Cole 2007: 28].

Изучение елизаветинских поездок началось еще в XIX в., после того как Джон Николс издал трехтомный сборник документов, посвященный путешествиям королевы и организованным для нее приемам [Nichols 1823]¹, и не прекращается по сей день [Cole 1999; Colthorpe 2017]. Придворные церемонии, в том числе театрализованные представления, которыми подданные встречали Елизавету I во время ее поездок, сейчас рассматриваются как поле для диалога между королевой, ее придворными и принимавшими ее хозяевами поместий и городскими общинами [Cole 1999: 19–23; 2007: 29]. Параметры такой встречи каждый раз определялись заново, а для устроителей церемоний прием королевы оказывался способом защитить собственные интересы и представить государыне свои претензии на участие в управлении страной или же обосновать те или иные политические решения. Изучение таких празднеств требует детального анализа обстоятельств, предопределивших их форму, а также общего политического и исторического контекста не только конкретного представления, но и каждой королевской поездки в целом. В данной статье анализируются различные варианты представления собственных интересов, избранных аристократами, принимавшими Елизавету весной — осенью 1591 г.

Летнее путешествие 1591 г. выделялось из елизаветинских визитов по ряду параметров: это была единственная за все долгое царствование поездка на юг Англии, в маршрут которой входило преимущественно католическое графство Сассекс. Двухмесячная летняя поездка стала возобновлением практики дальних поездок королевы после перерыва 1580-х годов, когда Елизавета или вовсе не покидала своих резиденций вокруг Лондона, или наносила краткие визиты в дома своих приближенных [Cole 1999: 34]. Она была предпринята в критический момент войны с Испанией и политического кризиса, вызванного неудачной кампанией союзника Елизаветы Генриха IV в Нормандии против Католической Лиги и испанцев. В ходе летнего путешествия 1591 г. Елизавета останавливалась в домах католиков чаще, чем когда-либо еще во время своих поездок. Для Елизаветы были даны два больших представления: в Каудрее (замке виконта Монтегю, август), и Элветэме (маноре графа Хартфорда, сентябрь). Сценарии опубликовали сразу после визитов королевы, осенью того же 1591 г. — уникальный случай для елизаветинских развлечений.

Все эти особенности привлекли к летней поездке 1591 г. повышенное внимание ученых, сделав ее одновременно и одной из самых известных, и одной из самых загадочных. Исследования, посвященные ей, распадаются на две не-

¹ Современное расширенное переиздание: [Nichols 2014 (3)].

равные по численности группы. К первой из них относятся работы историков театра и историков литературы, в которых анализировались сценарии приемов в Каудрее и Элветэме, причем, как правило, по отдельности и в разных контекстах.

Прием в Каудрее привлекал внимание, поскольку это единственное за все царствование королевы Елизаветы большое празднество, устроенное по случаю ее прибытия аристократом-католиком [Bright 1989; Leslie 1998; Oehle 1999: 45–122; Heale 2007; Kolkovich 2016: 52–53, 157–176]. Однако происхождение использованных в сценарии образов и явные параллели к ним в более ранних представлениях не получили никакого объяснения. Королевские развлечения в Элветэме, напротив, детально проанализированы в контексте елизаветинской литературы, однако попытки поместить прием, оказанный Елизавете графом Хартфордом, в политический контекст [Brennecke 1968; Boyle 1971; Smith 1977; Bright 1992; Oehle 1999: 144–208; Davies 2013; Crover 2014; Kolkovich 2016: 177–182] привели к диаметрально противоположным выводам и требуют дальнейшего уточнения.

Летняя поездка 1591 г.: победители и проигравшие

Большое путешествие Елизаветы началось 30 июля и заняло два месяца (до конца сентября), в ходе которых она посетила графства Сассекс и Хэмпшир, добралась до Портсмута и Саутхэмптона и оттуда вернулась обратно в Гринвич. Королева провела смотр защищавших южное побережье войск и осталась довольна увиденным. Правда, предполагавшаяся встреча с Генрихом IV Наваррским не состоялась. Однако у поездки были и иные, более важные политические цели.

Подавляющее большинство (более 70%) принимавших Елизавету дворян либо сами были католиками, либо имели католических родственников, которые почти наверняка присутствовали в толпе собравшихся поприветствовать королеву². Таким образом, летнее путешествие 1591 г. планировалось как способ оказать честь католическим подданным английской короны. Речь при этом шла о строго определенной группе внутри католического сообщества. Во-первых, среди принимавших не было *рекузантов*, т. е. тех, кто нарушал закон страны, отказываясь посещать официально признанные богослужения в приходских церквях. Все оказавшие королеве гостеприимство дворяне-католики были конформистами. Приезжая к ним с визитом, королева словно бы подчеркивала, что именно такого поведения и ждала от «своих» католиков. Кроме того, все они — и титулованные аристократы, и провинциальные дворяне — были связаны узами патроната с королевским двором. Они либо сами занимали придворные должности, либо были женаты на бывших фрейлинах и/или крестницах Елизаветы. Таким образом, все принимавшие Елизавету в

² Из 25 дворян, оказавших Елизавете I гостеприимство в 1591 г., 11 были католиками (барон Ламли, виконт Монтегю, граф Саутхэмптон и маркиз Винчестер, а также Томас Корнуоллис, сэр Антони Браун, сэр Джон Карилл, Джон Уайт, Джон Коплин, Бенджамин Тичборн, Эдвард Мор), а еще семь имели родственников-католиков (сэр Эдмунд Тилни, сэр Генри Уэстон, Эдмунд Мервин, Ричард Льюкнор, сэр Николас Вудраф, барон Де Ла Варр, граф Сассекс). Подсчеты мои, выполнены по [Cole 1999: 196–197; Colthorpe 2017].

1591 г. католики были ей знакомы; по всей видимости, их перечень был тщательно согласован. А служба женщин при дворе воспринималась как гарантия лояльности их семей и безопасности королевы [Серегина 2018]. В свою очередь, нанесенный католикам визит словно бы свидетельствовал местным сообществам и национальной политической элите: верность этих людей признается и принимается королевой, и они могут рассчитывать на ответные милости. Когда в октябре 1591 г. королевские прокламации предписали создание в каждом графстве особых комиссий по делам рекузантов, которые должны были также заниматься поимкой католических священников и иезуитов [Серегина 2006: 43], никто из католиков, оказавших летом гостеприимство Елизавете, не пострадал от преследований. Таким образом, стоит рассматривать поездку как пример диалога королевы и двора с католическими подданными, в ходе которого выстраивались отношения между ними.

Представление в Каудрее: кульминация летней поездки Елизаветы I

Самым значимым политическим событием летней поездки стал визит королевы в Каудрей (графство Сассекс), замок одного из самых влиятельных английских католиков — Энтони Брауна, виконта Монтегю (1528–1592). Елизавета провела в Каудрее почти неделю (14–20 августа), это был самое долгое празднество в честь королевы, устроенное летом 1591 г.

Текст речей, произнесенных в Каудрее, был опубликован уже осенью 1591 г. Автор памфлета не указан, и убедительно идентифицировать его не удалось³. Сохранилось два экземпляра памфлета; оба — в Британской библиотеке [Cowdray 1591a; 1591b]. Внешне они очень похожи; их выходные данные идентичны: оба экземпляра были отпечатаны Томасом Скарлетом по заказу лондонского книготорговца Уильяма Райта, имевшего лавку во дворе собора св. Павла в Лондоне. Гравюры на титульном листе также идентичны. Тем не менее это два разных издания. Они слегка различаются правописанием — имя виконта Монтегю в них воспроизводится по-разному (*Montacute* и *Montecute*). Вариант А (BL. C.33.d.11) содержит тексты речей и баллад, однако он короче, и его автор в конце объясняет, что не присутствовал лично в Каудрее. Вариант В (BL. C.142.dd.23) длиннее, поскольку в нем приводятся практические детали увеселения — например, количество съеденных быков и гусей, убитых на охоте оленей и т. п. Текст баллад в этом издании отсутствует. Г. Хитон объясняет эти различия тем, что издатель получил баллады от заказчика позднее, и для того чтобы вставить их в памфлет, не делая нового набора, просто изнял часть исходного текста [Nichols 2014 (3): 549]. Представляется, однако, что два варианта текста предназначались для разных аудиторий. Вариант В, наполненный деталями организации приема, был скорее интересен дворянам из

³ Р. Бонд [Bond 1902: 421–430] приписывал авторство Джону Лили. Э. Хил предполагает, что одним из авторов текста мог быть иезуит Роберт Саутуэлл, так как его памфлет «Смирная мольба» (1595) затрагивает те же темы, что и сценарий [Heale 2007: 205–206]. Однако сочинение Саутуэлла было написано уже после выхода в свет памфлета о приеме в Каудрее [Серегина 2006: 74], таким образом, очевидно, что Саутуэлл был знаком со сценарием приема в Каудрее, но потому ли, что сам его написал, или же только прочитал, утверждать невозможно.

Сассекса или по крайней мере тем, кто жил в Англии и постоянно ориентировался на хитросплетения дружбы и родства. Вариант А мог предназначаться католикам за пределами страны⁴.

Королева прибыла в Каудрей 14 августа, субботним вечером. Прежде всего Елизавету ждала церемония передачи ключей. К. Брейт подчеркивал, что Каудрей являлся крепостью, которую теоретически можно было бы оборонять даже от королевских войск, и видел в этом скрытую угрозу со стороны Монтегю [Breight 1989: 149]. Однако мотив вызова, брошенного королеве, здесь явно преувеличен.

Перед воротами, на небольшом мосту через речку, питавшую замковый ров, Елизавету встретил Привратник в доспехах, с палицей в одной руке и золотым ключом в другой. По бокам от актера, изображавшего Привратника, стояли две деревянные статуи [Nichols 2014 (3): 552]. Как только королева приблизилась к мосту, игравшая ранее музыка замолкла. В своей приветственной речи Привратник объяснил, что музыка укрепляла стены замка (отсылка к сюжету из греческой мифологии: Амфион, играя на лире, воздвиг стены Фив), однако теперь, после появления «прекраснейшего и счастливейшего создания» (т. е. Елизаветы), стены будут стоять вечно [Ibid.: 552]. В речи Привратника присутствовали две главные темы, развивавшиеся в сценарии, а именно прямое указание на то, что, несмотря на различие в религии, виконт является верным подданным королевы, и на то, что она может доверять ему:

Что же касается владельца этого дома, моего благородного лорда, то его язык — ключ к его сердцу, а его сердце — замок его души. Поэтому Вы точно можете верить тому, что он говорит. А именно, что в понимании своего долга по отношению к Вашему Величеству и в служении Вам он превосходит всех и не уступит никому в молитвах о Вашем счастье⁵.

Привратник с посохом и два его компаньона — деревянные статуи — имеют прямую параллель в сценарии самого известного праздника елизаветинской эпохи — приема в Кенилворте (1575 г.), замке королевского фаворита, графа Лестера⁶. И там Привратник встретил королеву на мосту, держа в руках палицу и ключи, и приветствовал Елизавету речью. Хотя сходство и было отмечено [Breight 1989: 151], никакого объяснения этому факту до сих пор дано не было. Между тем речь идет отнюдь не о случайном совпадении. Кенилвортское празднество было хорошо известно елизаветинцам, даже тем, кто не присутствовал в замке во время приема, так как текст его сценария был опубликован [Gascoigne 1576]. Виконт Монтегю, несомненно, хорошо его знал: во-первых, он приходился троюродным братом Лестеру и наверняка присутствовал на приеме в Кенилворте, а во-вторых, именно он, скорее всего, и привлек

⁴ Текст памфлетов издавался: [Bond 1902: 421–430; Wilson 1980: 86–95; Breight 1989: 160–163]. Здесь используется издание [Nichols 2014 (3): 549–563].

⁵ [Nichols 2014 (3): 552–553]: «As for the owner of this house, mine honourable Lord, his tongue is the keie of his heart; and his heart the locke of his soule. Therefore what he speaks you may certainlie believe; which is, that in duetie and service to your Majestie, he would be second to none; in praieng for your happinesse, equall to anie».

⁶ Обзор литературы см. в [Goldring 2014: 363–387].

внимание Лестера к поэту Джорджу Гаскойну, который стал автором сценария для Кенилвортского празднества. К тому моменту Монтегю уже был патроном Гаскойна: тот писал сценарий празднества, устроенного виконтом в своей лондонской резиденции в 1572 г. по случаю двойной свадьбы сына и дочери [Gascoigne 1573: 385–392]. Заимствуя образы из сценария Кенилвортского приема, Монтегю давал своей аудитории понять, что тоже умеет говорить на языке куртуазной любви, принятом в обращении к королеве.

В своей краткой ответной речи Елизавета отдала должное верности виконта. Она «сказала, что готова поклясться — нет более верного ей человека» [Nichols 2014 (3): 553]. После этого королеве были переданы ключи от дома, и она вошла внутрь, предварительно обняв встречавших ее у порога леди Монтегю и ее дочь, леди Дормер. Присутствие виконта в тексте памфлета не обозначено, и это дало основание считать, что он сознательно бросал вызов королеве своим отсутствием [Oehle 1999: 75]. Однако мы точно не знаем, где именно находился виконт. Он почти наверняка был среди гостей в Лузли, доме своего друга Уильяма Мора. И в таком случае он приехал в Каудрей вместе с королевой. Тогда почетная миссия встречать прибывшую Елизавету была возложена на женщин семьи, причем самых близких ей: с леди Монтегю королева была знакома еще с середины 1550-х годов и явно доверяла ей [Серегина 2018]. А леди Элизабет Дормер была крестницей Елизаветы I [Lawson 2013: 71], так что ее присутствие здесь было не просто уместным, а обязательным. Монтегю уступил королеве и ее свите свой замок, а сам на время визита переселился в соседний манор Изборн.

Следующий день визита приходился на воскресенье. Королева и придворные отправились в церковь. Исследователи, начиная с Брейта, отмечали, что визит был специально спланирован так, чтобы не дать хозяевам дома отслужить мессу, т. е. как способ поставить католиков на место [Breight 1989: 152; Oehle 1999: 94; Neale 2007: 199]. Однако эта интерпретация представляется неточной. Во-первых, данные по визитам королевы в дома католиков противоречивы: если в резиденциях Винчестера и Саутхэмптона Елизавета была в другие дни недели, то в Нонсач (к лорду Ламли) она прибыла тоже в субботу и осталась там до вторника. Таким образом, ритм перемещений двора задавался иными соображениями. Кроме того, виконт Монтегю как влиятельный аристократ и лорд-лейтенант графства в 1569–1585 гг. многократно присутствовал на англиканском богослужении по торжественным случаям. Прием королевы явно относился к той же категории. Кроме того, сам виконт, бывая при дворе, всегда присутствовал вместе с королевой на литургии наряду с придворными [Серегина 2017: 260–262]. Точно таким же случаем стал и королевский визит в Каудрей, с той разницей, что на этот раз двор прибыл к виконту. В Каудрее была часовня, в которой при жизни виконта служили англиканскую литургию [Там же: 381–382]. Вероятно, именно туда отправились королева и ее приближенные. Но часовня не могла вместить всех спутников Елизаветы, поэтому остальные, скорее всего, пошли в приходскую церковь соседнего городка Мидхёрст. После торжественного богослужения королева отправилась на устроенный в честь нее пир [Nichols 2014 (3): 553].

В понедельник (16 августа) сын виконта Монтегю, Генри Браун, организовал для Елизаветы охоту. Она вместе с придворными отправилась в олений

парк близ Каудрея, где для нее в загон поместили около трех десятков оленей. Нимфа поднесла Елизавете и ее дамам луки и стрелы. Сама королева убила двух или трех оленей, а графиня Килдейр — еще одного. Пока Елизаветы и ее дамы стреляли из луков, музыканты играли, а Нимфа пела для королевы.

Опубликованный в памфлете (вариант А) текст песни [Nichols 2014 (3): 554], апеллирует к лексике куртуазной любви и к образу влюбленного, страдающего от желанья и от жестокости возлюбленной (целомудренной) дамы. Этот образ был типичен для языка елизаветинской придворной поэзии и часто использовался для выражения политических, а отнюдь не эротических амбиций советников королевы. Именно в таком ключе сейчас исследователи склонны прочитывать и программу Кенилвортского праздника — не столько как претензию Лестера на руку Елизаветы, сколько его желание играть важную роль в определении политического курса (в данном случае — на сближение с голландскими протестантами) [Kolkovich 2016: 52–56]. Представляется, что и песню, исполнявшуюся в Каудрее, стоит интерпретировать в том же ключе — как облеченную в знакомую придворным и самой королеве форму претензию на включение в состав политической элиты.

В заключительных строках можно усмотреть намек на английских католиков. Обращаясь к стреляющей из лука в оленей королеве, Нимфа пела:

Срази одного, срази всех, ибо никто из них не может убежать
Они глядят тебе в лицо, умирая⁷.

В образе оленей, даже не пытающихся защищаться от своей жестокой госпожи, убивающей их, прочитывается указание на католиков, безропотно встречающих несправедливые гонения и готовых к мученичеству. Точно неизвестно, слышала ли Елизавета песню, воспроизведенную в варианте А, или же исполнялось нечто иное, а данный текст вставили уже на стадии публикации. Если верно последнее, тогда намек на мучеников, скорее всего, адресовался католической аудитории в Англии и за рубежом и был призван обозначать, с одной стороны, верность Монтегю католичеству и готовность умереть за него, а с другой — отказ от вооруженного сопротивления правительнице, к которому как раз в это время призывали английских католиков их единоверцы-эмигранты [Серегина 2006: 76–77].

Во вторник (17 августа) после торжественного обеда Елизавету развлекали речами и представлением, во время которого снова была затронута тема верности. Среди деревьев разыграли диалог между Пилигримом (символизировавшим католического священника) и Дикарем, сидевшим у подножия дуба. Пилигрим жаловался на то, что Дикарь не дает ему свободно пройти по парку. А попытавшись обойти его, он наткнулся на даму, имя которой было Мир (Peace). Вела она себя, однако, совсем не мирно, и несчастному Пилигриму пришлось обратиться к Елизавете, чтобы усмирить ее. Затем Пилигрим проводил королеву к дубу [Nichols 2014 (3): 555]. В этой сцене все — не то, чем кажется на первый взгляд. Дама, символизирующая мир, на поверку оказывается его противоположностью — как и те, кто говорит, что оберегают мир ко-

⁷ [Nichols 2014 (3): 554]: «Strike one, strike all, for none at all can flie / They gaze you in the face although they die».

ролевы, но на деле только разжигают страсти и преследуют подданных королевы. Священник же становится проводником королевы к дубу, обозначающему единство и верность местного сообщества; подразумевается, что именно католическая вера порождает подлинный мир. В таком случае фигуру Дикаря можно истолковать как излишне ревностного вассала королевы, бдительность которого направлена против всех ее врагов, включая и его единоверцев-католиков.

Дикарь также привлек внимание своей аудитории к дубу, на ветвях которого были размещены гербы всех дворянских семей графства. В своей речи он отметил, что дуб и его ветви с гербами символизируют силу и счастливое правление Ее Величества:

Сила заключается в количестве и благородстве [дворян], счастье — в их верности и согласии <...> Стеной этого графства является море; укрепленное же верными сердцами, оно непобедимо⁸.

Далее он продолжал:

От имени милорда [Монтегю], а также всех благородных лордов и джентльменов, чье гербы видит здесь Ее Величество, я могу сказать, что подобно тому, как кровеносные сосуды, распространяющиеся по всему телу в ту минуту, когда сердце охвачено страстью, посылают ему всю кровь для успокоения, так и эти живущие в разных местах люди, если только Ее Величество окажется в опасности, отдадут ей свои тела, имущество и души. Ведь она — их сердце, глава и Повелительница. Здесь проход закрыт⁹.

Дикарь, произносивший речи, и дуб с гербами местных дворян также были заимствованы из Кенилвортского празднества. Там Дикарь предложил королеве службу от имени своего господина и всего графства [Kolkovich 2016: 35–36]. Точно так же Монтегю гарантировал королеве верность и готовность защищать пределы страны от имени местного дворянства. Фактически он говорил от лица всего Сассекса.

За речью Дикаря в варианте А следует песня, причем из текста непонятно, кто именно должен был ее исполнять и прозвучала ли она в Каудрее вообще. Она развивает тему предыдущей, т. е. тему бесконечной любви [католиков] к Елизавете: «Истинную любовь часто убивают, но она не умирает никогда»¹⁰.

⁸ [Nichols 2014 (3): 556]: «The Oke, from whose bodie so many armes doe spread; and out of whose armes so many fingers spring; resembles in parte your strength & happinesse. Strength, in the number and the honour; happinesse, in the trueth and consent <...> The wall of this shire is the sea, strong, but rampired with true hearts, invincible».

⁹ [Nichols 2014 (3): 557]: «For himself, and all the honourable Lords, and Gentlemen, whose shieldes your Majestie doeth here beholde, I can say this, that as the veines are dispersed through all the bodie, yet when the heart feeleth any extreme passion, sende all their blod to the heart for comfort: so they being in divers places, when your Maiestie shall but stande in feare of any daunger, will bring their bodies, their purses, their soules, to your Highnesse, being their heart, their head, and their Sovereigne. This passage is kept straight...».

¹⁰ [Nichols 2014 (3): 557]: «True love is often slaine but never dies».

Тема верного служения королеве развивалась и на следующий день (в среду, 18 августа), хотя теперь речь шла уже не о дворянстве, а о простолюдинах. На этот раз королеву у рыбного пруда развлекали диалогом Удильщик и Рыбак с сетью. Они жаловались на притеснения со стороны нечестных купцов и лордов — и одновременно заявляли о своей верности:

Верные сердца так же хороши, как и полные кошельки; они — нерв войны, но первые — ее оружие¹¹.

На этот раз, впрочем, участники представления подчеркнули, что верность католиков подразумевает взаимные обязательства. В песне Рыбака прямо говорится: «Люби меня, и я буду любить тебя»¹².

На следующий день Елизавету ожидали народные танцы.

В четверг королева обедала в саду вместе с лордами и леди, сидя за столом в 48 ярдов длиной. Вечером простые жители графства предстали перед Ее Величеством и исполнили танец под флейту и тамбурин. Среди них были и лорд Монтегю и его супруга¹³.

На этот раз хозяева замка не остались вместе со зрителями, а присоединились к танцующим крестьянам. Они были отделены от королевы визуально — большим столом, за которым сидели гости и который Монтегю покинули для того, чтобы встать в хоровод. Таким образом, создавалось противопоставление — королева/двор и Монтегю/Сассекс.

Именно такого эффекта и добивался виконт. На время визита королевы он фактически присвоил себе право говорить от имени графства, выставляя себя в роли его естественного лидера. Соответственно, именно с ним и должна была иметь дело Елизавета, когда ей требовалось что-то от жителей графства. И к нему же должны были обращаться и местные дворяне, желавшие добиться благосклонности королевы или же просто решить какой-то практический вопрос.

Елизавета прекрасно понимала, что от нее требуется, и подыграла Монтегю. Собственно, ее появление в Каудрее уже было отчетливым сигналом королевского расположения. Кроме того, во время пребывания двора там состоялись три заседания Тайного Совета (15, 18 и 20 августа). Эти заседания стали самыми представительными за всю летнюю поездку: 15 августа в Каудрей прибыли 10 советников — больше, чем куда-либо еще. Приехавшие уделили внимание делам хозяина и его людей (18 августа): кузену виконта, католику Джону Гейджу, находившемуся под домашним арестом, было позволено приехать в Сассекс, чтобы уладить имущественные дела недавно умершего брата [Acts 1900: 386, 396, 404].

¹¹ [Nichols 2014 (3): 559]: «Yes, true hearts are as good as full purses, the one the sinewes of war, the other the armes».

¹² [Nichols 2014 (3): 560]: «Love me and Ile love thee».

¹³ [Nichols 2014 (3): 560]: «On Thursday she dined in the privie walkes in the garden, and the Lordes and Ladies at a table of 48 yardes long. In the evening the countrie people presented themselves to his Majestie in a pleasant daunce with Tiber and Pipe and the Lord Montague and his Lady among them».

20 августа перед своим отъездом из Каудрея в Чичестер Елизавета возвела в рыцарское достоинство шестерых дворян. Двое из них приходились родственниками виконту, а именно Джордж Браун, его второй сын и Роберт Дормер — муж дочери Элизабет. Остальные тоже были связаны либо с Монтегю, либо с семьей Томаса Сэквила, лорда Бакхёрста, его близкого друга и будущего родственника (внук и наследник виконта, Энтони Мария Браун, в конце 1591 г. женился на дочери лорда Бакхёрста Джейн). Так, Джон Карилл был другом семьи, и впоследствии (в 1603 г.) его сын стал мужем внучки виконта, Кэтрин Дормер; Генри Гленэм был зятем лорда Бакхёрста, мужем его дочери Энн. Николас Паркер был связан родством с обеими семьями: его бабушка принадлежала к семье Сэквил, а тетка вышла замуж за кузена виконта Монтегю, сэра Эдварда Гейджа. Сестра Генри Горинга, Энн, была первой женой младшего брата виконта, Фрэнсиса Брауна [Серегина 2017: 130–131].

Таким образом, почести были распределены среди друзей Монтегю, католиков и протестантов в равной степени. Они впоследствии проявили благодарность по отношению к своему патрону, защищая членов его семьи от преследований, угрожавших всем католикам. Генри Горинг в 1593 г. «не сумел» арестовать семейного капеллана Монтегю, католического священника Роберта Грея [Acts 1901: 328–329, 400, 406]. А Николас Паркер в 1603 г. обеспечил Джорджу Брауну место в числе мировых судей Сассекса, хотя тот не принес предписанной законом присяги о признании монарха главой Церкви [Petit 1968: 145–147].

Когда осенью 1591 г. в речи, произнесенной во время званого обеда, Монтегю вспоминал о визите королевы, он обращался к той же аудитории, перед которой разыгрывались представления в августе 1591 г. в Каудрей, — к местным дворянам. И суть его послания оставалась прежней: католик Монтегю стал «человеком королевы» в Сассексе, готовым оказывать покровительство всем своим друзьям вне зависимости от их конфессиональной принадлежности [Questier 2004: 253].

Королевский визит укрепил позиции виконта в графстве, пусть и ненадолго: в октябре 1592 г. Монтегю скончался. Тем не менее то была успешная попытка диалога Елизаветы I с местным магнатом, в результате которого она получила косвенное обещание гарантировать лояльность католиков графства в обмен на молчаливое признание влияния виконта на дела местного управления.

Представление в Элветэме: праздник, которого не ждали

На обратном пути из Саутхэмптона в Гринвич Елизавета нанесла визит в Элветэм (20–23 сентября), поместье Эдварда Сеймура (1539–1621), графа Хартфорда [Colthorpe 2017 [1591]: 32].

Сын и наследник лорда-протектора Англии герцога Сомерсета, Эдвард Сеймур воспитывался вместе с королем Эдуардом VI, которому приходился двоюродным братом. После опалы и казни отца (1552) Сеймуру позволили унаследовать часть его владений, а в 1559 г. Елизавета I разрешила ему носить наследственный титул графа Хартфорда. В 1560 г. он тайно обвенчался с фрейлиной Елизаветы. Кэтрин Грей (1540–1568), младшая сестра «девяти-

дневной королевы» Джейн Грей, была внучкой младшей сестры Генриха VIII Мэри, герцогини Саффолк. По завещанию короля престол должны были наследовать его дети, а в случае отсутствия у тех наследников — потомки его младшей сестры [Серегина 2013: 68].

Брак потенциальной наследницы был государственным делом. Узнав о тайном союзе Сеймура и леди Кэтрин, Елизавета была разъярена. Супругов отправили в Тауэр, где молодая женщина родила старшего сына Эдварда (1561–1612). Королева отказалась признать брак законным. Графа признали виновным в соблазнении девственности королевской крови, приговорили к крупному штрафу и заключению в Тауэре. Условия тюремного содержания, впрочем, не были слишком строгими, паре разрешали видеться, что привело к зачатию и рождению второго сына, Томаса (1562–1600). Освободили Сеймура только после смерти леди Кэтрин в 1568 г., и даже позволили ему вернуться ко двору. Однако оба его сына считались незаконнорожденными. Относительно Томаса, впрочем, праведы сомневались: еще до его рождения, во время судебного разбирательства Сеймуры публично заявили, что являются мужем и женой. Для английского общего права подобного оглашения и последующей консумации было достаточно, чтобы считать отношения браком, а рождение по крайней мере младшего Сеймура законным. Однако и он, как и его старший брат, был признан незаконнорожденным [Там же: 69].

Именно Томас Сеймур подавал апелляцию на это решение в 1580 г., а затем — каждый год до 1588 г. (за исключением 1583 г.). В 1589–1590 гг. апелляция от него не поступало, что могло означать: Сеймуры сдались или же, не рассчитывая больше на королевское правосудие, начали готовиться к более решительным и не вполне законным действиям в условиях, когда советники королевы искали подходящего наследника престола. Елизавете вряд ли нужен был потенциальный центр притяжения недовольных, каким могли стать Сеймуры, и она предпочла урегулировать конфликт. Способом сделать это и стал королевский визит. В начале лета Эдварду Сеймуру сообщили о предполагаемом приезде королевы в Элветэм. У графа оказалось два месяца для того, чтобы преобразить поместье и устроить в нем представление, по масштабу уступавшее только Кенилвортскому празднеству. Для этого Сеймур приказал возвести в парке временные павильоны для размещения придворных и сопровождавших королеву дворян, а также выкопать там пруд с искусственными островами и насыпать холм, откуда Елизавете предстояло смотреть спектакль в ее честь¹⁴.

Представление, данное в Элветэме, давно вызывало интерес исследователей, но истолковывалось диаметрально противоположным образом. Г. Бойл видел в нем, особенно в сценах на озере, в которых помимо прочего прочитываются прямые намеки на войну с Испанией, защиту интересов родственника Хартфорда, лорда-адмирала Чарльза Ховарда из Эффингэма [Boyle 1968: 160]. Однако престиж последнего и так был высок, и его интересам в 1591 г. вряд ли что-то угрожало. Более убедительной представляется интерпретация К. Брей-

¹⁴ Описание представления в Элветэме было опубликовано осенью 1591 г. [Elvetham 1591]. Текст переиздавался несколько раз. См.: [Bond 1902: 431–452; Wilson 1980: 96–112]. Здесь используется современное издание [Nichols 2014 (3): 563–595]. Авторами сценария называют поэтов Джона Лили, Томаса Уотсона и Николаса Бретона [Ibid.: 568].

та, усмотревшего в амбициозном действе, устроенном Сеймуром, желание переписать неприятные эпизоды семейной истории и добиться согласия королевы на легитимацию его сына [Breight 1992: 34], но и она требует уточнения.

Визит королевы в Элветэм начался во второй половине дня в понедельник, 20 сентября. Представление стало демонстрацией могущества и богатства Сеймуrow, что проявилось как в преображении манора за короткие летние месяцы (для чего граф нанял более трехсот работников), так и в размере и облачениях его свиты. Более двухсот человек с золотыми цепями (и, вероятно, личными знаками Хартфорда на груди) представляли собой ливрейную свиту графа [Nichols 2014 (3): 574]. Собрать ее для встречи королевы означало показать всем зрителям, что Сеймуры влиятельны, обладают политическим весом и готовы вести людей за собой, — немаловажные качества для потенциального претендента на престол. Примечательно и то, что в данном случае не шло речи о преподнесении королеве ключей от манора. Этого вроде бы и не требовалось, так как Элветэм не был укреплен. Однако мотива прямого подчинения графа, видимо, и не подразумевалось. В латинской речи Поэта, которой тот встречал Елизавету при въезде в манор, упоминалось, что он приветствует ее с ветвью оливы в руках, т. е. с мирными намерениями [Ibid.: 575]. Такой образ предполагал общение между равными или близкими по статусу людьми, невзирая на то, что, произнося свою речь, Поэт стоял на коленях [Ibid.: 574].

Примечателен и образ самой королевы в разыгранном в ее честь спектакле. Кажется, что она представлена здесь в традиционном для второй половины ее правления образе девственной богини Дианы. В обращенных к Елизавете речах ее называли Синтией, т. е. греческим именем Дианы / Артемиды (*Кинфия*), отсылавшим к легендарному месту ее рождения — горе Кинф. Однако в адресованных ей словах прочитывается и совсем иная персонификация — Венера, причем не богиня, охваченная страстью, но та, чье присутствие оживляет всю природу и способствует плодородию:

Смотри, как всё нежно улыбается тебе
И все полушарие радуется твоему сиянию:
Лишь ночь, где движутся прекрасные звезды, завидует тебе:
Все прочие творения ликуют:
Козленок скачет по полянке;
Корова белая милуется с быком;
Деревья радуются шелестом листвы,
Луг — свежее травой, лоза — плодами,
Бегущие ручьи — серебристым журчаньем.
Тебя, тебя (прекрасная госпожа), небеса, земля и реки,
Цветы и звери славят в один голос.
И хоть они и созерцают твое совершенство,
Их жажда видеть тебя неутолима¹⁵.

¹⁵ [Nichols 2014 (3): 577]: «Behold, on thee how each thing sweetly smiles, / To see thy brightness glad our hemisphare: / Night only envies: whome faire stars doe crosse: / All other creatures strive to shewe their joys. / The crooked-winding kid trips ore the lawnes; / The milkewhite heafer wantons with the bull; / The trees shew pleasure with their quivering leaves, / The meddow with new grasse, the vine with grapes, / The running brookes with sweet and silver sound. / Thee, thee (sweet Princes), heav'n, and earth, and fluds, / And plants, and beasts, salute with one accord: / And while they gaze on thy perfections, / Their eyes desire is never satisfied».

Девушки, встречавшие королеву на въезде в Элветэм, были обозначены в опубликованном тексте как Грации и Оры, т. е. традиционные спутницы богини Венеры [Ibid.: 578], образ которой в данном контексте явно отсылал к началу поэмы Лукреция «О природе вещей», посвященной богине как пробуждающей плодородие одним своим присутствием — и, следовательно, как началу всех вещей¹⁶.

В представлении на озере (второй день визита) также присутствовали отсылки к Венере. Так, хотя Нерей и именует Елизавету Синтией, нимфа Неэра говорит о ней как о «морерожденной» [Ibid.: 588]. Кроме того, одна из сцен, комическая по характеру, имела политический подтекст, важный для династических амбиций Сеймура. В ней повелитель лесов Сильван видит прибывшую на лодке возлюбленную, нимфу Неэру, и устремляется к ней, но ему препятствует Нерей:

Н е р е й. Она сойдет на берег на том условии,
Что ты дашь руку и принесешь торжественный обет
Не осквернить ее невинности.
С и л ь в а н. Вот моя рука, и ею я даю обет.
Н е р е й. Вода погасит твой пыл¹⁷.

Далее Нерей на потеху публике обливает водой незадачливого любовника. К. Брейт истолковывает эту сцену как стремление Сеймура переписать историю своих отношений с Кэтрин Грей, представив их не как «соблазнение девицы королевского рода», в котором его обвинили, а как искреннюю юношескую любовь, павшую жертвой обмана (со стороны Нерея). Любовь молодых людей рождается в присутствии Венеры, дающей жизнь, и потому извинительна. Кроме того, такое толкование образа богини подразумевает и намек на престолонаследие: если девственная Диана не имеет детей (наследников), то пробуждающая природу Венера способствует плодородию и, соответственно, имеет потомков (т. е. детей Сеймура и Кэтрин Грей) [Breight 1992: 33–34].

В предложенной интерпретации, однако, отсутствует одна важная деталь. Сеймур не просто подчеркивал при помощи спектакля простительность своих былых прегрешений. Он также намекал и на то, что его союз с Кэтрин Грей можно считать законным. В процитированном выше отрывке речь идет о принесении торжественного обета, в ходе которого Сильван готов протянуть руку. Этот жест являлся частью обычного для Англии ритуала *common law marriage*, когда молодая пара могла, взявшись за руки, обменяться обетами и считаться мужем и женой. Островное право признавало законность таких союзов, даже если они заключались в отсутствие свидетелей (и уж тем более священника), хотя на протяжении XVI в. раздавалось все больше голосов в пользу отказа от этой традиции [Cressy 1997: 267–281]. Тем не менее Сеймур здесь апеллировал к понятной и хорошо знакомой всем присутствовавшим практике.

¹⁶ «Aeneadum genitrix, hominum diumque voluptas, / Alma Venus, caeli subter labentia signa / Quae mare navigerum, quae terras frugiferentes / Concelebras, per te quoniam genus omne animantum / Concipitur uisitque exortum lumina solis <...> / Omnibus Incutiens blandum per pectora amorem, / Efficis ut cupide generatim saecla propagent» [Duff 1962: 1].

¹⁷ [Nichols 2014 (3): 586–586]: «N e r e u s. On this condition shall shee come on shoare, / That with thy hand thou plight a solemne vow, / Not to prophane her undefiled state. / S y l v a n u s. Here, take my hand, and therewithal I vowe. / N e r e u s. That water will extinguish wanton fire».

Тот же мотив прозвучал и на следующий день, когда королеву развлекали песнями о пастушках Коридоне и Филлиде, где, в частности, имелись следующие строки:

И так, со множеством клятв,
«Да» и «нет», уверениями и обещаниями,
Какие дают глупые пастушки,
Когда не хотят злоупотребить любовью;
Неутоленная любовь
Свершилась сладкими поцелуями¹⁸.

Мы вновь видим здесь отсылку к взаимным обетам, которые можно приравнять к заключению брака и его консумации.

Согласно описанию представления, королева потребовала, чтобы эти песни были исполнены перед ней еще несколько раз, что автор интерпретирует как знак благосклонности Елизаветы. Возможно, однако, что она просто хотела подробнее узнать о претензиях графа [Nichols 2014 (3): 589].

В конце описания праздника указано, что после своего визита королева выказала свою милость графу Хартфорду [Ibid.: 595]. Однако эта фраза вводит в заблуждение читателя: никаких поблажек Сеймуру сделано не было. Поданный в ноябре 1591 г. иск от имени младшего сына Томаса о признании его законным отпрыском графа не приняли к рассмотрению в суде. Да и дальнейшая карьера графа Хартфорда и его сыновей при Елизавете не задалась. Очередная попытка добиться признания законности его наследника была предпринята в 1595 г. и может считаться провокационной: это случилось через несколько месяцев после того, как вышло в свет и достигло берегов Англии «Рассуждение о наследовании английского престола» иезуита Р. Парсонса. В нем рассматривались и сравнивались права на престол сразу нескольких претендентов. Томас Сеймур был назван в тексте не только законным сыном Хартфорда, но и одной из наиболее предпочтительных кандидатур. Летом 1595 г. трактат был уже хорошо известен в Лондоне, в том числе при дворе, сильно разгневав королеву. В этих условиях попытка Сеймура добиться легитимации сына оказалась не просто неудачной, она вновь привела его в Тауэр. И хотя графа выпустили из заточения через несколько месяцев, до конца царствования Елизаветы он пребывал в полуопале [Серегина 2013: 89].

Таким образом, можно констатировать, что, в отличие от Монтегю, диалог Сеймура с королевой оказался неудачным: ему не удалось реализовать планы, связанные с ее визитом. Причина неуспеха графа, как кажется, лежит на поверхности: если Монтегю всячески подчеркивал свою покорность королеве и ее власти, Хартфорду явно не хватило смирения, а его демонстрация богатства и силы (причем даже вооруженной) можно было бы считать вызывающей. Да и само послание, не слишком завуалированное сценарием приема, было слишком дерзким. Елизавете предлагали признать законным плод союза Эдварда Сеймура и Кэтрин Грей, что автоматически сделало бы их сына Томаса на-

¹⁸ [Nichols 2014 (3): 589–590]: «Thus with many a pretie oath, / Yea and nay, and faith and troth, / Such as silly shepherds use, / When they will not love abuse; / Love, which had beene long deluded, / Was with kisses sweet concluded».

следником престола — пусть и неофициально, но *de facto* признанного в этом качестве королевой, и это после десятилетий, на протяжении которых она всячески избегала связывать себя подобными утверждениями.

Кроме того, существовала и другая причина, по которой королева с большим раздражением воспринимала намеки на юных любовников. Дело в том, что 1591 год оказался на редкость урожайным на сексуальные скандалы, случившиеся во время летнего путешествия. Главным виновником оказался придворный и сын казначея английской армии сэра Томас Ширли. В 1591 г. он, находясь при дворе, ухаживал за тридцатилетней вдовой, леди Фрэнсис Стёртон (урожденной Брук), которая прижилась сестрой-близнецом Элизабет, жене сэра Роберта Сесила. Именно с ним и поссорился Ширли в августе 1591 г., во время путешествия двора. Причиной ссоры стало его поведение: ухаживая за леди Стёртон, Ширли одновременно имел роман с молодой фрейлиной королевы, Фрэнсис Вавасур. Летом 1591 г. Ширли тайно женился на девушке. Фрейлина также была несвободна: ее тайный брак разорвал помолвку с Робертом Дадли, 17-летним внебрачным сыном покойного фаворита королевы, графа Лестера. Помолвку устроила сама королева, которой не очень понравилось, что ее волей пренебрегли. Впрочем, Роберт Дадли-младший не сильно расстроился. Тем же самым летом он тоже тайно женился, но на другой фрейлине, Маргарет Кавендиш. Без пары оставалась одна леди Стёртон, но и она недолго пребывала обиженной. В начале следующего года она вышла замуж за Эдварда Мора, с которым явно познакомилась там же летом, по время путешествия [Colthorpe 2017 [1591]: 39].

Елизавета узнала о тайном браке Дадли в октябре 1591 г., в Ричмонде, когда тот осмелился публично поцеловать свою жену Маргарет, за что его на время изгнали от двора [Cecil Papers 1892: 153]. То есть это произошло уже после приема. А вот о тайном браке Томаса Ширли и Фрэнсис Вавасур королева узнала, находясь в Элветэме, и пришла в ярость — не только от брака, заключенного без ее согласия, но также и потому, что Ширли повел себя бесчестно, продолжая ухаживать за другой, будучи женатым [Ibid.: 137–138]. Он почти полгода просидел в тюрьме. В такой ситуации Елизавета вряд ли была склонна счесть «ошибки юности» извинительными.

Конечно, планируя прием, Эдвард Сеймур не мог предвидеть всех этих матримониальных осложнений. Но почему граф Хартфорд рассчитывал, что Елизавета примет его послание благосклонно? Или же оно было адресовано не столько ей, сколько сопровождавшим ее придворным и советникам? В 1590-е годы всем им предстояло решить для себя, кого именно из возможных претендентов на престол они станут поддерживать в скором будущем. И если граф Эссекс уже успел определиться, инициировав тайные переговоры с шотландским королем Яковом VI, то другие лорды, включая могущественный клан Сесилов, к 1591 г. еще не сделали свой выбор. Вероятнее всего, заявление Хартфорда о силе и готовности претендовать на английскую корону от имени сына было адресовано именно им, и на их поддержку он рассчитывал в этой подковерной борьбе. Правда, он просчитался: помощь к нему так и не пришла. Сесилы, в 1590-е годы все еще медлившие выказывать приверженность той или иной стороне, в конце концов предпочли поддержать Якова Шотландского [Серегина 2013: 72–73]. Более того, Сеймур недооценил саму

Елизавету I. Во время своих путешествий именно она являлась центром власти, не позволяя никому из окружения слишком усилить собственное влияние. Адресованное ей лично представление, организованное Монтегю, поэтому и оказалось столь успешным. Сеймуру же предстояло убедиться в том, что пренебрежения своими вкусами и установленными ею правилами Елизавета I никому не простила.

Источники

- Acts 1900 — Acts of the Privy Council of England. Vol. 21 / Ed. by J. R. Dasent. London: HMSO, 1900.
- Acts 1901 — Acts of the Privy Council of England. Vol. 24 / Ed. by J. R. Dasent. London: HMSO, 1901.
- Bond 1902 — The complete works of John Lyly / Ed. by P. W. Bond. Vol. 1. Oxford: Oxford Univ. Press, 1902.
- Cecil Papers 1892 — Calendar of the Cecil Papers in Hatfield House. Vol. 4: 1590–1594 / Ed. by R. A. Roberts. London: HMSO, 1892.
- Colthorpe 2017 — *Colthorpe M. E. Elizabethan Court Day by Day*. [2017]. URL: https://folgerpedia.folger.edu/The_Elizabethan_Court_Day_by_Day.
- Cowdray 1591a — The speeches and honorable entertainment giuen to the Queenes Maiestie in progresse, at Cowdre in Sussex, by ... the Lord Montacute. London: Printed by Thomas Scarlet, to bee solde by William Wright, 1591.
- Cowdray 1591b — The honorable entertainment giuen to the Queenes Maiestie in progresse, at Cowdre in Sussex, by the right honorable the Lord Montecute. London: Printed by Thomas Scarlet, to bee solde by William Wright, 1591.
- Duff 1962 — *Lucretius. De Rerum Natura* / Ed. by J. D. Duff. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1962.
- Elvetham 1591 — The honorable entertainment gieven to the Quene's Maiestie, in progresse, at Elvetham in Hampshire, by the Right Hon'ble the Earle of Hertford. London: Iohn Wolfe, 1591.
- Gascoigne 1573 — *Gascoigne G. A hundreth sundrie flowres bounde vp in one small poesie Gathered partely (by translation) in the fyne outlandish gardins of Euripides, Ouid, Petrarke, Ariosto, and others*. London: Henrie Bynneman, 1573. P. 385–392.
- Gascoigne 1576 — *Gascoigne G. The princelye pleasures, at the courte at Kenelwoorth*. London: Rychard Ihones, 1576.
- Lawson 2013 — The Elizabethan New Year's gift exchanges, 1559-1603 / Ed. by J. A. Lawson. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.
- Nichols 1823 — The progresses and public processions of Queen Elizabeth: 3 Vols. 2nd ed. / Ed. by J. Nichols. London: John Nichols, 1823.
- Nichols 2014 — John Nichols's The progresses and public processions of Queen Elizabeth I: A new edition of the early modern sources: 5 Vols. / Ed. by E. Goldring, F. Eales, E. Clarke, J. E. Archer. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.
- Wilson 1980 — *Wilson J. Entertainments for Elizabeth I*. Woodbridge: Brewer, 1980.

Литература

- Серегина 2006 — *Серегина А. Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI — начала XVII в. СПб.: Алетейя, 2006.*

- Серегина 2013 — *Серегина А. Ю.* Роберт Парсонс и его «Рассуждение о наследовании английского престола» // Долеман Р. [Парсонс Р.] Рассуждение о наследовании английского престола (1594) / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. А. Ю. Серegiной. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. С. 4–99.
- Серегина 2017 — *Серегина А. Ю.* Английское католическое сообщество XVI–XVII вв.: виконты Монтегю. М.; СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2017.
- Серегина 2018 — *Серегина А. Ю.* Доверие королевы и верность аристократов-католиков: обмен новогодними дарами при дворе Елизаветы I Английской // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 9. Вып. 9 (73). 2018. URL: <https://history.jes.su/s207987840002398-6-1>.
- Boyle 1971 — *Boyle H. H.* Elizabeth's entertainment at Elvetham: War policy in pageantry // *Studies in Philology*. Vol. 68. 1971. P. 146–166.
- Bright 1989 — *Bright C. C.* Caressing the great: Viscount Montague's entertainment of Elizabeth at Cowdray, 1591 // *Sussex Archaeological Collections*. Vol. 127. 1989. P. 147–166.
- Bright 1992 — *Bright C. C.* Realpolitik and Elizabethan ceremony: The Earl of Hertford's entertainment of Elizabeth at Elvetham, 1591 // *Renaissance Quarterly*. Vol. 45. No. 1. 1992. P. 20–48.
- Brennecke 1968 — *Brennecke E.* The entertainment at Elvetham, 1591 // *Music in English Renaissance Drama* / Ed. by J. H. Long. Lexington: Univ. of Kentucky Press. 1968. P. 32–56.
- Cole 1999 — *Cole M. H.* The portable queen: Elizabeth I and the politics of ceremony. Amherst: Univ. of Massachusetts Press, 1999.
- Cole 2007 — *Cole M. H.* Monarchy in motion: An overview of Elizabethan progresses // *The progresses, pageants, and entertainments of Queen Elizabeth I* / Ed. by J. E. Archer, E. Goldring, S. Knight. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. P. 27–44.
- Cressy 1997 — *Cressy D.* Birth, marriage and death: Ritual, religion, and the life-cycle in Tudor and Stuart England. Oxford: Oxford Univ. Press, 1997.
- Crover 2014 — *Crover S.* A taste of high life at Elvetham: Elizabethan progresses and the rural consumption of royal neverwheres // *Performing environments: Site specificity in medieval and early modern drama* / Ed. by S. Bennett, M. Polito. Basingstoke: Palgrave, 2014. P. 180–198.
- Davies 2013 — *Davies H. N.* Looking again at Elvetham: An Elizabethan entertainment revisited // *Waterborne pageants and festivities in the Renaissance: Essays in honour of J. R. Mulryne* / Ed. by M. Shewring. Farnham: Routledge, 2013. P. 211–242.
- Goldring 2014 — *Goldring E.* Gascoigne and Kenilworth: The production, reception, and after-life of the princely pleasures // *English Literary Renaissance*. Vol. 44. 2014. P. 363–387.
- Heale 2007 — *Heale E.* Contesting terms: Loyal Catholicism and Lord Montague's entertainment at Cowdray, 1591 // *The progresses, pageants, and entertainments of Queen Elizabeth I* / Ed. by J. E. Archer, E. Goldring, S. Knight. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. P. 189–206.
- Kolkovich 2016 — *Kolkovich E. Z.* The Elizabethan country house entertainment: print, performance, and gender. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2016.
- Leslie 1998 — *Leslie M.* “Something nasty in the wilderness”: Entertaining Queen Elizabeth on her progresses // *Medieval & Renaissance Drama in England*. Vol. 10. 1998. P. 47–72.
- Oehle 1999 — *Oehle B.* An audience with the Queen: Subversion, submission and survival in three late Elizabethan progress entertainments: PhD dissertation / Univ. of Warwick. 1999.
- Petti 1968 — *Recusant documents from the Ellesmere manuscripts, 1577–1715* / Ed. by A. G. Petti. London: Catholic Record Society, 1968. (Catholic Record Society; Vol. 60).
- Questier 2004 — *Questier M.* Loyal to a fault: Viscount Montague explains himself // *Historical Research*. Vol. 77. 2004. P. 225–253.
- Smith 1977 — *Smith B. R.* Landscape with figures: The three realms of Queen Elizabeth's coun-

try-house revels // Renaissance Drama. New ser. Vol. 8. 1977. P. 57–115.

References

- Boyle, H. H. (1971). Elizabeth's entertainment at Elvetham: War policy in pageantry. *Studies in Philology*, 68, 146–166.
- Bright, C. C. (1989). Caressing the great: Viscount Montague's entertainment of Elizabeth at Cowdray, 1591. *Sussex Archaeological Collections*, 127, 147–166.
- Bright, C. C. (1992). Realpolitik and Elizabethan ceremony: The Earl of Hertford's entertainment of Elizabeth at Elvetham, 1591. *Renaissance Quarterly*, 45(1), 20–48.
- Brennecke, E. (1968). The entertainment at Elvetham, 1591. In J. H. Long (Ed.). *Music in English Renaissance drama* (pp. 32–56). Univ. of Kentucky Press.
- Cole, M. H. (1999). *The portable queen: Elizabeth I and the politics of ceremony*. Univ. of Massachusetts Press.
- Cole, M. H. (2007). Monarchy in motion: An overview of Elizabethan Progresses. In J. E. Archer, E. Goldring, & S. Knight (Eds.). *The progresses, pageants, and entertainments of Queen Elizabeth I* (pp. 27–44). Oxford Univ. Press.
- Cressy, D. (1997). *Birth, marriage and death: Ritual, religion, and the life-cycle in Tudor and Stuart England*. Oxford Univ. Press.
- Crover, S. (2014). A taste of high life at Elvetham: Elizabethan progresses and the rural consumption of royal neverwheres. In S. Bennett, & M. Polito (Eds.). *Performing environments: Site specificity in medieval and early modern drama* (pp. 180–198). Palgrave.
- Davies, H. N. (2013). Looking again at Elvetham: An Elizabethan entertainment revisited. In M. Shewring (Ed.). *Waterborne pageants and festivities in the Renaissance: Essays in honour of J. R. Mulryne* (pp. 211–242). Routledge.
- Goldring, E. (2014). Gascoigne and Kenilworth: The production, reception, and afterlife of the princely pleasures. *English Literary Renaissance*, 44, 363–387.
- Heale, E. (2007). Contesting terms: Loyal Catholicism and Lord Montague's entertainment at Cowdray, 1591. In J. E. Archer, E. Goldring, & S. Knight (Eds.). *The progresses, pageants, and entertainments of Queen Elizabeth I* (pp. 189–206). Oxford Univ. Press.
- Kolkovich, E. Z. (2016). *The Elizabethan country house entertainment: Print, performance, and gender*. Cambridge Univ. Press.
- Leslie, M. (1998). "Something nasty in the wilderness": Entertaining Queen Elizabeth on her progresses. *Medieval & Renaissance Drama in England*, 10, 47–72.
- Oehle, B. (1999). *An audience with the queen: Subversion, submission and survival in three late Elizabethan progress entertainments* (PhD dissertation, Univ. of Warwick).
- Petti, A. G. (Ed.) (1968) — Recusant documents from the Ellesmere manuscripts, 1577–1715. Catholic Record Society.
- Questier, M. (2004). Loyal to a fault: Viscount Montague explains himself. *Historical Research*, 77, 225–253.
- Seregina, A. Iu. (2006). *Politicheskaja mysl' angliiskikh katolikov vtoroi poloviny XVI — nachala XVII v.* [The political thought of English Catholics in the second half of the 16th – early 17th centuries]. Aleteia. (In Russian).
- Seregina, A. Iu. (2013). Robert Parsons i ego "Rassuzhdenie o nasledovanii angliiskogo prestola" [Robert Persons and his "Conference about the next succession to the crown of England"]. In R. Doleman [R. Parsons]. *Rassuzhdenie o nasledovanii angliiskogo prestola (1594)* (A. Iu. Seregina, Trans., Intro., and Notes, pp. 4–99). Universitet Dmitriia Pozharskogo. (In Russian).
- Seregina, A. Iu. (2017). *Angliiskoe katolicheskoe soobshchestvo XVI–XVII vv.: vikonty Monte-*

- giu* [The English Catholic community of the 16th–17th centuries: The Viscounts Montague]. Tsentr gumanitarnykh Initsiativ. (In Russian).
- Seregina, A. Iu. (2018). Doverie korolevy i vernost' aristokratov-katolikov: obmen novogodnimi darami pri dvore Elizavety I Angliiskoi [The Queen's trust and the loyalty of Catholic nobles: The New Year's gifts exchange at the court of Elizabeth I of England]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriia"*, 9(9(73)). <https://history.jes.su/s207987840002398-6-1>. (In Russian).
- Smith, B. R. (1977). Landscape with figures: The three realms of Queen Elizabeth's country-house reveals. *Renaissance Drama, new series*, 8, 57–115.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Анна Юрьевна Серегина

доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник, Отдел
историко-теоретических исследований,
Институт всеобщей истории РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т,
д. 32а
Тел.: +7 (495) 938-13-44
✉ aseregina@mail.ru

Anna Yu. Seregina

Dr. Sci. (History)
Leading Researcher, Department
for Theoretical Studies, Institute of World
History, Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt,
32a
Tel.: +7 (495) 938-13-44
✉ aseregina@mail.ru